

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К КОНСТРУКЦИИ ОСОБОЙ КАТЕГОРИИ ДОГОВОРОВ ПО ОКАЗАНИЮ УСЛУГ (С КОНКРЕТИЗАЦИЕЙ ИСПОЛНИТЕЛЯ) В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ СО СМЕЖНЫМИ ПРАВОВЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ

Вольвач Я.В.¹

Ключевые слова: личный характер обязательства, личные обязательства, оказание услуг, конкретизированный исполнитель, конкретизант, персонификация юридического лица, стимулирующая функция, регулятивная функция, эмерджентность, ковенанты, заверения об обстоятельствах.

Аннотация

Цель работы: исследование вопросов, касающихся признаков, определяющих правовую природу конкретизированного исполнения и статус исполнителя, если речь идет о договоре возмездного оказания услуг, в котором непосредственный исполнитель назван, то есть конкретизирован.

Методы исследования: общенаучные и частнонаучные методы — сравнительно-правовой, системно-правовой, логический, метод анализа и толкования правовых актов.

Результаты исследования: вывод, что совпадение и функций, и конститутивных признаков является достаточным основанием и для совпадения квалификации условия о конкретизанте в качестве сделки (обязательства) стороны-исполнителя. Условие о конкретизанте может рассматриваться в качестве разновидности заверения об обстоятельствах (*representations and warranties*) как самостоятельной сделки стороны исполнителя, если конкретизант в ней только поименован с предоставлением информации о нем, и как две самостоятельных сделки — стороны и конкретизанта, если последний дал свое согласие на указание его в договоре в качестве исполнителя.

Кроме того, предложена альтернативная теоретическая модель отношений с участием конкретизанта, актуальная в ситуациях, когда воля субъекта исполнения относительно своих обязанностей, порождая обязательство, создает основание для правовой трансформации статуса конкретизанта, который, оставаясь субъектом трудовых, иных гражданско-правовых отношений, становится, таким образом, в части конкретного договора оказания услуг, субъектом данного договора.

Научная новизна состоит в выявлении и обосновании того, что условие о конкретизанте может рассматриваться в качестве разновидности заверения об обстоятельствах как самостоятельной сделки стороны исполнителя, если конкретизант в ней только поименован с предоставлением информации о нем, и как две самостоятельных сделки — стороны и конкретизанта, если последний дал свое согласие на указание его в договоре в качестве исполнителя.

EDN: HPCYMK

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-3-62-67

Введение и постановка задачи

Исследование конструкции «услуга» и сущности договора возмездного оказания услуг, как, впрочем, и любое иное научное исследование априори стремится к стратегической цели не столько достаточно, сколько наиболее полного и всестороннего охвата проводимым исследованием возможных и относимых правоотношений и правовых явлений.

С другой стороны, научные исследования в сфере частного права не ограничены императивными рамками в силу преваляирования регулятивной функции норм и дозволительной направленности в качестве метода правового регулирования.

В приведенной ситуации вполне естественным свойством научных изысканий в указанной сфере

является возможность построения, применения и квалификации новых идеальных конструкций, максимально учитывающих разнонаправленные интересы всех субъектов и/или обоснования непригодности применения той или иной конструкции к уже существующим и квалифицированным отношениям, что является главной предпосылкой обеспечения новизны научного результата.

Как указывает С.Ю. Филиппова, частное право, основанное на дозволительном методе правового регулирования, открывает почти безграничные возможности для формирования структуры договорного обязательства, определения наиболее эффективных способов стимулирования должника

¹ Вольвач Януара Валентиновна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет», г. Москва, Российская Федерация. E-mail: adv_71@mail.ru

к надлежащему исполнению обязательства и созданию условий для адекватной компенсации имущественных потерь кредитора по такому обязательству на случай, если оно будет не исполнено или исполнено ненадлежащим образом [1, с. 38]. Предпринимая исследование о выявлении правовой природы особой разновидности личного договора возмездного оказания услуг — «с конкретизацией исполнителя», автор ранее проводил анализ совокупности признаков, определяющих природу обеспечительных мер применительно к поименованным (глава 23 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ) и непоименованным (доктринальные исследования) способам обеспечения обязательств. В результате предпринятого исследования автор утверждал, что «...сравнение выявленных признаков института обеспечения исполнения обязательств с выявленными сущностью и признаками конкретизированного исполнителя [2, с. 247—260] в особом личном обязательстве — «с конкретизацией исполнителя», позволяет сделать вывод о разнородности их сути и цели» [3, с. 193—197].

Вместе с тем утверждение о неприменимости совокупности признаков, определяющих одну категорию к другой, не свидетельствует о невозможности квалификации правового явления в ином качестве.

Соответственно, для решения этой задачи необходимо выявить и исследовать определяющие правовое явления признаки, а также соотнести их в качестве сходства или тождества.

В ряде предшествующих исследований [2, с. 247—260; 4, с. 94—101] автором были выявлены признаки, присущие конкретизанту, и определен его статус в контексте статуса субъектов исполнения обязательства.

Так, в качестве признаков, присущих конкретизанту, можно указать следующие:

1. Конкретизант реализует права и исполняет обязанности стороны-исполнителя в обязательстве.

2. Конкретизант наделяется правами и обязанностями стороны-исполнителя согласно содержанию трудового указания или иного обязательства.

3. Конкретизант не является самостоятельным участником обязательства, обособленным от стороны-исполнителя.

4. Конкретизант находится в непосредственной правовой связи со стороной-исполнителем в силу индивидуализации путем указания его в обязательстве, в силу наделения правами и обязанностями стороны-исполнителя и фактического исполнения обязательства стороны-исполнителя.

5. Конкретизант может быть охарактеризован как участник обязательства на стороне исполнителя, но с высокой долей условности данной конструкции.

6. Конкретизант по общему правилу не отвечает по обязательству стороны-исполнителя; проблема принятия им на себя ответственности в настоящее время не решена.

7. Конкретизант не имеет самостоятельной цели в обязательстве, так как *causa* его действий коррелирует целям стороны-исполнителя.

8. Конкретизант действует в интересах стороны-исполнителя; проблема наличия и реализации его собственного параллельного интереса (например, создание личного бренда в процессе деятельности в качестве конкретизанта) в настоящее время не решена.

9. Замена конкретизанта не может быть квалифицирована как изменение стороны обязательства, вследствие чего к таковой неприменимы положения главы 24 ГК РФ; однако практика нуждается в разработке правового средства, опосредующего применение данных положений, в частности, в ситуациях, когда интерес заказчика в заключении договора с исполнителем определился в своё время исключительно личностью конкретизанта.

Очевидно, что исходя из приведенной совокупности признаков вектор правовой связи несколько изменяется и усложняется — и, соответственно, возникают предпосылки формулирования вывода о наличии оснований констатации факта изменения/усложнения соответствующих отношений.

Следовательно, вывод о несамостоятельности конкретизанта в договоре оказания услуг нуждается в корректировке под влиянием развития и усложнения экономических и правовых связей; нуждается в обдумывании позиция, в рамках которой отстаивается вывод о наличии элементов автономии его правового статуса и совершенно особой, ранее не исследованной в доктрине роли конкретизанта в обязательстве.

В данном разрезе возникает вопрос о цели легализации конструкции участия конкретизанта в гражданско-правовом обязательстве. При этом следует учесть, что в трудовом праве имеется достаточный инструментарий, в том числе на уровне локальных правовых актов, позволяющий на основании трудового договора идентифицировать как фактического исполнителя, так и исполняемую им функцию.

Исследование современных экономических взаимосвязей в контексте оказания услуг позволяет определить некоторые параметры повышения интереса к конструкции договора с указанием конкретизанта. Это следующие аспекты:

▶ заинтересованность исполнителя (каковым как правило, является юридическое лицо; но в таком качестве может выступать и физическое лицо — индивидуальный предприниматель) в декларировании наличия профильных, высококлассных, коммерчески привлекательных и т. д. специалистов, способных наиболее рационально фактически исполнить обязательство, взятое на себя исполнителем;

▶ отождествление третьими лицами-потребителями услуг конкретных, индивидуальных, позитивных, высококачественных и конкурентных результатов деятельности субъекта-услугодателя с результатами деятельности конкретного работника или работников (а также иного субъекта,

привлеченного на основании гражданско-правового договора (что для услугополучателя не имеет принципиального значения);

- персонификация услугодателя посредством привлекательности деятельности конкретного субъекта, в котором заинтересован услугополучатель, что определяет имиджевый фактор, который с некоей долей условности может быть квалифицирован как нематериальный актив (например, при продаже бизнеса, в котором трудовые отношения оформлены с привлекательным конкретизантом, стоимость бизнеса может быть в несколько раз выше, нежели если данный конкретизант расторгнет трудовые отношения);
- декларирование конкурентных преимуществ конкретного услугодателя — наличие определённого специалиста обеспечивает/гарантирует достижение правового результата и удовлетворение интереса/потребности услугополучателя;
- формирование базиса воли услугополучателя по выбору стороны договора оказания услуг, что определяет решение о необходимости заключения договора именно с данным исполнителем-услугодателем, в том числе на условиях выше рыночных (в частности, опыт, имидж, личный бренд конкретизанта может определять повышенную по сравнению со среднерыночной стоимостью услуг, одновременно повышая гарантии получения особого уровня качества результата оказания услуг);
- повышение конкурентоспособности бизнеса услугодателя за счёт поддержания имиджа надежного, ресурсного партнера вследствие наличия длительных трудовых (либо иных) отношений с определённым конкретизантом.

Представляется, что указанные параметры — как в отдельности, так и в совокупности — выполняют стимулирующую роль, а также в ряде ситуаций способствуют формированию цели (causa) вступления в обязательство и заключению договора (по сути, имеющего характеристики личного, хотя формально личным не являющегося) с избранной стороной-услугодателем с целью реализации уже сформированной цели (causa), и надлежащему исполнению обязательства.

Сказанное позволяет сделать важный теоретический вывод, имеющий практическое значение: о проявлении в отношениях оказания услуг с указанием конкретизанта теории правовой эмерджентности, разрабатываемой правовой доктриной². Под эмерджентностью учёные понимают «суммарный эффект взаимодействия двух и более субъектов, компонентов системы или факторов, существенно превосходящий эффект простого суммирования эффективности каждого из них» [5, с. 26—30].

Эмерджентность в отношениях оказания услуг с участием конкретизанта проявляется в том, что сам

факт такого участия определяет привлекательность возникновения договорных взаимосвязей между услугодателем и услугополучателем, при этом факт возникновения договорных взаимосвязей повышает привлекательность и уровень конкретизанта, проявляющиеся в рамках наличия трудовых (либо иных) отношений с услугодателем, а это, в свою очередь, ещё более повышает конкурентоспособность услугодателя и привлекает новых конкурентоспособных контрагентов.

Данная система взаимосвязей позволяет вывести отношения на качественно более высокий уровень (таким образом система эмерджентизирует), что выгодно как услугодателю, так и услугополучателю, и конкретизанту — и, как следствие, благоприятно влияет на общий экономический результат.

Вместе с тем формирование и наличие фактических оснований для последующего юридически значимого поведения (юридического факта), и функциональная направленность этих оснований на возникновение обязательства на первый взгляд могут свидетельствовать об исчерпании действия стимулирующей функции с момента возникновения обязательства. С данным выводом можно поспорить по следующим причинам:

- а) не отпадают и продолжают действовать фактические основания определения стороны на основании сформированной цели (causa) вступления в обязательство;
- б) остается неизменным способ осуществления (исполнения) обязательства;
- в) отсутствуют фактические и правовые основания для квалификации действующего обязательства в качестве не влекущего правовых последствий (независимо от оснований) в контексте его цели (causa) и существа;
- г) не отпадает цель вступления в обязательство;
- д) не прекращается интерес в поддержании и упрочении имиджа надежного партнера, добросовестного исполнителя.

Следовательно, функционал стимулирующей функции не исчерпывается моментом возникновения обязательства и при неизменности его состава и способа исполнения продолжает свое действие до его прекращения независимо от основания такого прекращения, а также независимо от изменения конкретизанта, связанного с услугодателем трудовым либо гражданско-правовым договором.

Вместе с тем следует обратить внимание, что персонификация услугодателя посредством персонификации (обособления) фактического исполнителя-конкретизанта определяет и такой важный практический аспект, как закрепление иного лица как субъекта исполнения, что, по сути, влечёт установление особых правил поведения субъектов обязательства.

Речь идёт о таком нестандартном правовом приёме как субституция конкретизанта, иначе говоря, о назначении исполнителя на случай невозможности осуществления действий первоначальным исполнителем. Отметим, что термин «субституция»,

² Стригунова Д. П. Эмерджентность системы правовых регуляторов международных коммерческих договоров в праве России, стран ЕАЭС и ЕС : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

изначально применявшийся в наследственных отношениях, расширяет свой ареал в современных правовых условиях, о чём свидетельствуют доктринальные исследования³ [6, с. 45—50].

При этом такого рода особые правила применительно к рассматриваемой особой разновидности договора создают режим предоставления информации как об основном, так и о подназначенном конкретизанте, идентифицируя каждого из них, а также о совокупности прав и обязанностей конкретизанта (конкретизантов).

Выводы

Приведенные аргументы обуславливают вывод о том, что условие о конкретизанте в рассматриваемой разновидности обязательств выполняет регулятивную функцию в смысле, придаваемом доктриной⁴ понятию и содержанию регулятивной функции в гражданском праве.

Вместе с тем легализация конкретизанта включает в себя обязательное общее условие — закрепление информации о нем в договоре.

При этом тождественное условие свойственно и ковенантам, поскольку иное не установлено законом, и заверениям об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ).

Кроме того, доктринальные презумпции относительно правовой природы ковенант⁵, а также положения ст. 431.2 ГК РФ позволяют выявить корреляцию выполняемых этими явлениями функций — стимулирующей и регулятивной — с условиями о конкретизанте.

Необходимо заметить, что и доктрина⁶ [7] и правоприменительная практика⁷ рассматривают и активные ковенанты, и заверения об обстоятельствах в качестве самостоятельной сделки, что подразумевает определенное недвусмысленное выражение воли сторон (единственной стороны) относительно прав и обязанностей, т. е. априори в качестве обязательства.

По мнению ученых, правовая природа ковенантов представляет собой обязательство претерпеть наступление или ненаступление определенных последствий [8, с. 101—103]. Высказывается и несколько иное определение ковенантов — как условий, возлагающих на должника в обязательстве «те

или иные обременения, соблюдение которых снижает риски кредитора столкнуться с нарушением, а их несоблюдение дает кредитору формальное право отказать от договора и потребовать досрочного возврата предоставленного финансирования»⁸.

Конструкция ковенантов зародилась и изначально использовалась в конструкции кредитных обязательств, о чем свидетельствует доктрина⁹, а также судебная практика. Интересно, что Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2011 по делу № А41-3443/11 содержит указание на то, что ковенант (от англ. covenant — соглашение, договор) представляет собой договорное обязательство совершить определенные действия или воздержаться от их совершения¹⁰. Проблема неправомерности включения в кредитный договор ограничительных (негативных) ковенантов рассматривалась Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ в Информационном письме от 13.09.2011 № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитных договорах»¹¹.

Что касается мнения ученых о правовой природе заверений (англ. representations and warranties), то они достаточно противоречивы и не отличаются единообразием подхода к выявлению правовой сути данных конструкций как договорных обязательств¹².

Отметим значительный уровень исследованности данной проблематики современной доктриной¹³ [9, с. 40—53; 10, с. 15—18; 7—11; 11, с. 153—168; 12, с. 157—165].

⁸ Карапетов А.Г. Правовая природа и последствия нарушения ковенантов в финансовых сделках // Частное право и финансовый рынок : сб. ст. (вып. 1) / Отв. ред. М.Л. Башкатов. М., 2011.

⁹ Achleither A.-K., Braun R., Tappeiner F. Determinants of financial covenants in leveraged buyouts // Center for Entrepreneurial and Financial Studies, Technical University. München, 2009. P. 1–5; Попкова Л.А. Ковенанты в кредитных договорах: зарубежный опыт и российская практика // Банковское право. 2013. № 4. С. 68—73; Ушаков О.В., Хараева Г.Н. Ковенанты в кредитных договорах: проблемы применения в России // Закон. 2013. № 2. С. 160—165.

¹⁰ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2011 по делу № А41-3443/11 (Постановлением ФАС Московского округа от 14.12.2011 по делу № А41-3443/11 данное постановление отменено в части отказа во включении в реестр требований кредиторов, в отмененной части дело передано на новое рассмотрение в Арбитражный суд Московской области).

¹¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

¹² Сабурова Е.В. К вопросу о правовой природе заверений об обстоятельствах // Вестник магистратуры. 2021. № 7 (18).

¹³ Карапетов А.Г. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ // Закон. 2015. № 6. С. 43—56; Кучер А.Н. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ : доклад на научном круглом столе 2 июля 2015 года. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/10362736> (дата обращения: 01.06.2023); Томсинов А.В. Заверения об обстоятельствах и возмещение потерь в российском праве в сравнении с representations, warranties и indemnity в праве Англии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 91—111.

³ Рыжаков А.П. Понятие и правовой статус гражданского истца в уголовном процессе. Комментарий к статье 44 УПК РФ // СПС «Гарант» (дата обращения: 07.03.2023).

⁴ Рыженков А.Я. Функции гражданского права: Вопросы теории // Проблемы в Российском законодательстве. 2012. № 4; Алексеев С.С. Общая теория права : в 2-х т. Т. I. М. : Юрид лит., 1981. С. 192—193.

⁵ Филиппова С.Ю. Обеспечение исполнения обязательств из коммерческих договоров способами, не поименованными в ГК РФ // Журнал «Законодательство». № 8. 2021. С. 38.

⁶ Айвори И., Рогоза А. Использование английского права в российских сделках. М. : Альпина Паблишер, 2011. 136 с. ISBN 978-5-9614-1548.

⁷ Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.18 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

Необходимо обратить внимание, что и законодатель, и правоприменитель, и доктрина констатируют, что предоставление такой информации, подпадающей под понятие заверения об обстоятельствах, наряду с другими условиями входит в сложный юридический состав, имеющий значение для заключения договора, его исполнения и прекращения, т. е. рассматривается в качестве юридически значимого, несмотря на множество подходов, и, соответственно, влечет определенные юридические последствия.

Полагаем, заверения об обстоятельствах — это обязательство по предоставлению достоверной юридически значимой информации, влекущее возникновение правовых последствий в виде возникновения, изменения, прекращения правоотношения, которое при некоторых обстоятельствах может быть охарактеризовано в качестве ковенанта и нарушение которого влечет ответственность согласно общим положениям об обязательствах (ст. 307.1 ГК РФ).

Представляется, что объединяющими указанными явления признаками являются следующие: это обязательство, обеспечивающее устойчивость, исполнимость прав и обязанностей сторон в их ненарушенном состоянии, но не обеспечивающее исполнение и восстановление прав иным образом в случае нарушения.

Условия о конкретизанте в целом удовлетворяют совокупности названных признаков. Различаются они лишь средствами достижения цели упомянутой ненарушенности исполнения обязательства, что сути их природы не меняет.

Вместе с тем совпадение и функций, и конститутивных признаков является достаточным основанием и для совпадения квалификации условия о конкретизанте в качестве сделки (обязательства) стороны-исполнителя. Однако применительно к названному правовому явлению, в отличие от двух иных, возможен раздельный, дифференцированный подход, заключающийся в том, что такое обязательство может взять на себя как сторона-исполнитель, так и конкретизант, в случае выражения им определенного и недвусмысленного согласия.

Таким образом, воля субъекта исполнения относительно своих обязанностей, порождая обязательство, создает основание для правовой трансформации статуса конкретизанта: последний, оставаясь субъектом трудовых либо гражданско-правовых отношений, не становясь субъектом конкретного договора оказания услуг, приобретает особую обязанность исполнить данный договор в рамках правовых ковенантов. Следовательно, условие о конкретизанте может рассматриваться в качестве разновидности заверения об обстоятельствах как самостоятельной сделки стороны исполнителя, если конкретизант в ней только поименован с предоставлением информации о нем, и как две самостоятельные сделки — стороны и конкретизанта, если последний дал свое согласие на указание его в договоре в качестве исполнителя. Этот подход не бесспорен с точки зрения заверения об обстоятельствах в отношении будущих действий конкретизанта, но данная проблематика выходит за рамки настоящего исследования.

Литература

1. Филиппова С.Ю. Обеспечение исполнения обязательств из коммерческих договоров способами, не поименованными в ГК РФ // Журнал «Законодательство». 2021. № 8. С. 6—11.
2. Вольвач Я.В. Правовые подходы к особому личному обязательству — «с конкретизацией исполнителя» — как основанию специфичной разновидности соучастия в обязательстве // Вестник МГЭИ. 2022. № 2. С. 247—260.
3. Вольвач Я.В. Правовые подходы к определению наличия оснований для квалификации условия о конкретизации исполнителя в качестве непоименованного способа обеспечения исполнения обязательств // Вестник МГЭИ (on-line). 2023. № 1. С. 193—197.
4. Вольвач Я.В. Особая категория договоров по оказанию услуг — «с конкретизацией исполнителя» // Мониторинг правоприменения. 2023. № 1 (46). С. 94—101. DOI: 10.21681/2226-0962-2023-1-94-101.
5. Чертков А.Н. Новые конституционные возможности синергии взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 8. С. 26—30.
6. Косякин И.А. Временная субституция единоличного исполнительного органа акционерного общества // Юрист. 2020. № 2. С. 45—50.
7. Сабурова Е.В. К вопросу о правовой природе заверений об обстоятельствах // Вестник магистратуры. 2021. № 7 (18).
8. Заречин М.А. К вопросу о правовой природе ковенантов. LXXII молодежная научная конференция, посвященная 80-летию КуАИ-СГАУ — Самарского университета, 115-летию со дня рождения академика С.П. Королева : тезисы докладов / М-во науки и высш. обр. РФ (Самар. ун-т); отв. ред. А.Б. Прокофьев, ред. М.А. Шлеенков. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2022. С. 101—103.
9. Аладько А.И., Ерофеев Д.В. Применение норм статьи 431.2 ГК РФ в судебной практике // Нотариальный вестник. 2022. № 3. С. 40—53.
10. Аристова-Данемар А.В., Горчаков И.Н. Заверения об обстоятельствах (representations and warranties) в договоре синдицированного кредита по английскому и российскому праву // Банковское право. 2020. № 2. С. 15—18; № 3. С. 7—11.
11. Лухманов М.И. Заверения об обстоятельствах: теоретические и практические проблемы в свете новых разъяснений ВС РФ // Закон. 2019. № 7. С. 153—168.
12. Манджиев А.Д., Мартьянова Т.С. Заверения об обстоятельствах: насколько важно полагаться на них? // Закон. 2022. № 5. С. 157—165.

LEGAL APPROACHES TO THE CONSTRUCTION OF A SPECIAL CATEGORY OF CONTRACTS FOR SERVICES (WITH THE PERFORMER SPECIFIED) IN THE CONTEXT OF CORRESPONDENCE WITH NEIGHBOURING LEGAL CONSTRUCTIONS

Ianuara Vol'vach¹⁴

Keywords: *personal nature of obligation, personal obligations, rendering services, concretised performer, concretisant, personification of juridical person, stimulating function, regulatory function, emergence, covenants, representations and warranties.*

Abstract

Purpose of the paper: studying questions concerning the characteristics determining the legal nature of concretised performance and the status of performer in case of a contract for paid services where the direct performer is named, that is, concretised.

Methods of study: general and specific scientific methods, i. e. the comparative legal, system legal, logical as well as the method of analysis and interpretation of legal regulations.

Study findings: a conclusion that coincidence of functions and constitutive characteristics is sufficient grounds for coincidence of qualifying the concretisant clause as an obligation of the performer party. The concretisant clause can be considered a kind of representations and warranties as an independent transaction of the performer party if the concretisant is only named there and information about him is given, and as two independent transactions: of the party and that of the concretisant if the latter gave his consent to be specified in the contract as the performer.

Besides, an alternative theoretical model of relationships with the participation of the concretisant is put forward, which is applicable in situations where the will of the performing subject concerning his duties, creating an obligation raises grounds for a legal transformation of the status of the concretisant which while remaining a subject of labour and other civil law relationships becomes thus, as it pertains to a certain contract for services, a subject of this contract.

Research novelty consists in identifying and justifying that the concretisant clause can be considered as a kind of representations and warranties as an independent transaction of the performer party if the concretisant is only named there and information about him is given, and as two independent transactions: of the party and that of the concretisant if the latter gave his consent to be specified in the contract as the performer.

References

1. Filippova S.Iu. Obespechenie ispolneniia obiazatel'stv iz kommercheskikh dogovorov sposobami, ne poimenovannymi v GK RF. Zhurnal "Zakonodatel'stvo", 2021, No. 8, pp. 6–11.
2. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k osobomu lichnomu obiazatel'stvu – "s konkretizatsiei ispolnitelia" – kak osnovaniu spetsifichnoi raznovidnosti souchastiia v obiazatel'stve. Vestnik MGEI, 2022, No. 2, pp. 247–260.
3. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k opredeleniiu nalichia osnovanii dlia kvalifikatsii uslovia o konkretizatsii ispolnitelia v kachestve nepoimenovannogo sposoba obespecheniia ispolneniia obiazatel'stv. Vestnik MGEI (on-line), 2023, No. 1, pp. 193–197.
4. Vol'vach Ia.V. Osobaia kategoriia dogovorov po okazaniiu uslug – "s konkretizatsiei ispolnitelia". Monitoring pravoprimeneniia, 2023, No. 1 (46), pp. 94–101. DOI: 10.21681/2226-0962-2023-1-94-101.
5. Chertkov A.N. Novye konstitutsionnye vozmozhnosti sinergii vzaimodeistviia gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniia v Rossii. Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie, 2022, No. 8, pp. 26–30.
6. Kosiakin I.A. Vremennaia substitutsiia edinolichnogo ispolnitel'nogo organa aktsionernogo obshchestva. Iurist, 2020, No. 2, pp. 45–50.
7. Saburova E.V. K voprosu o pravovoi prirode zaverenii ob obstoiatel'stvakh. Vestnik magistratury, 2021, No. 7 (18).
8. Zarechin M.A. K voprosu o pravovoi prirode kovenantov. LXXII molodezhnaia nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 80-letiiu KuAI-SGAU – Samaranskogo universiteta, 115-letiiu so dnia rozhdeniia akademika S.P.Koroleva : tezisy dokladov / M-vo nauki i vyssh. obr. RF (Samar. un-t); otv. red. A.B. Prokof'ev, red. M.A. Shleenkov. Samara : Izd-vo Samar. un-ta, 2022, pp. 101–103.
9. Alad'ko A.I., Erofeev D.V. Primenenie norm stat'i 431.2 GK RF v sudebnoi praktike. Notarial'nyi vestnik, 2022, No. 3, pp. 40–53.
10. Aristova-Danemar A.V., Gorchakov I.N. Zavereniia ob obstoiatel'stvakh (representations and warranties) v dogovore sinditsirovannogo kredita po angliiskomu i rossiiskomu pravu. Bankovskoe pravo, 2020, No. 2, pp. 15–18; No. 3, pp. 7–11.
11. Lukhmanov M.I. Zavereniia ob obstoiatel'stvakh: teoreticheskie i prakticheskie problemy v svete novykh raz'iasnenii VS RF. Zakon, 2019, No. 7, pp. 153–168.
12. Mandzhiiev A.D., Mart'ianova T.S. Zavereniia ob obstoiatel'stvakh: naskol'ko vazhno polagat'sia na nikh? Zakon, 2022, No. 5, pp. 157–165.

¹⁴ Ianuara Vol'vach, Ph.D. (Law), Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of Moscow Humanitarian Economic University, Moscow, Russian Federation. E-mail: adv_71@mail.ru